

**Ода акритской вольнице – «Дигенис Акрит»:
армянские корни византийской эпической традиции**

Е. Г. Маргарян

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Евфратский фронт издревле был зоной столкновений между великими империями древности. Мало что изменилось и в наши дни. После установления некоторого баланса сил империи переходили к позиционной войне, которая требовала меньшего напряжения сил и велась в основном на приграничье. Подобную стратегию мы назвали «малой войной». На византийско-арабской и позднее византийско-сельджукской границе малые войны велись в основном силами местных стратиотов – акритов и апелатов, а боевые действия развертывались на территории Малой Армении, Каппадокии и Понта. Ключевую роль в этих позиционных войнах играли армянские стратиоты и представители других коренных народов этого региона. В этой полиэтничной, многокультурной и многоконфессиональной среде возникли различные религиозные системы: митраизм, самостоятельные формы восточного христианства, павликианская ересь, и эпическое сказание «Дигенис Акрит». Акритская эпическая традиция сформировалась в преимущественно армянской и, возможно, павликианской среде. На армянском, сирийском, арабском и старославянском языках сохранились различные версии сказания о Дигенисе Акрите. В ста-

Маргарян Е. Г. Ода акритской вольнице – «Дигенис Акрит»: армянские корни византийской эпической традиции // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 162–194.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2018. № 2
© Е. Г. Маргарян, 2018

тье разбираются взаимоотношения византийских властей, и то, как эти отношения отразились в акритском эпосе о Дигенисе-Девгении.

УДК 808; 811.14; 821.14

DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-162-194

Ключевые слова: Евфратский фронт, стратегия «малой войны», акриты и апелаты, Византия, Халифат, имперские власти, павликиане, эпические песни, Дигенис Акрит.

Контактная информация: Маргарян Ерванд Грантович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско-Армянского (Славянского) университета (ул. Овсепя Эмина, 123, Ереван, Армения, ervand.margaryan@rau.am), ведущий научный сотрудник Института истории НАНА

Хриплые горы к оружию зовут...

Осип Мандельштам

Мы окружены, значит, им от нас не уйти.

Байсангур Беноевский

Приевфратская погранзона в Средние века

Приевфратье во все времена было трансграничной зоной между мир-системами и мир-империями¹, будучи своего рода контактной зоной, оно имело исключительно важное, временами ключевое, значение в жизни региона (и сегодня мало что изменилось). Суровый высокогорный ландшафт соседствовал с плодородными долинами, питающимися влагой самой большой водной системы Передней Азии – Евфрата и его притоков. Горные районы Приевфратья в древности были покрыты лесами и имели богатую разнообразную флору, недра гор были богаты ископаемыми. Здесь перекрещивались караванные пути, связывающие Восток и Запад, Север и Юг. По сути, Евфратская погранзона находилась на перекрестке нескольких мир-систем и нескольких цивилизаций. Поэтому здесь происходили непрекращающиеся столкновения между мирами и империями, что не могло не отразиться на жизни этого небольшого, но густонаселенного субрегиона. В древности эта зона включала в себя такие территории, как юго-западные районы Великой Армении, Северную Месопотамию на правом берегу Евфрата и Коммагену, Каппадокию, Малую Армению и Понт на левобережье.

Эта буферная зона, населенная полиэтничными и не всегда живущими в согласии с законом элементами, стала той бродильней, где происходи-

¹ О том, какой смысл, несколько отличный от валлерстайновского, мы вкладываем в термины «мир-система» и «мир-империя», см.: [Маргарян, 2016, с. 7–48].

ла закваска новых нетрадиционных синкретических религиозных систем [Штаерман, 1987; Махлаюк, 2005, с. 62–63; Birley, 1980; Solway, 1982; Henig, 1984; Frere, 1991; Stoll, 2007, p. 452], и в первую очередь митраизма [Маргарян, 2011; Cumont, 1896–1899; Tudor, 1969–1976; Jaszynowska, 1990]. Отсюда происходило распространение митраизма по всей периферии империи, а оттуда, в свою очередь, – постепенное стягивание этих религиозно-этических идей к центру [Аверинцев, 1985]. Митраизм надолго стал сакральной вертикалью, соотнесшей культуру, социальную практику и геополитику римлян, народов Римской империи, а также соседних народов с трансцендентной высшей реальностью.

Однако и после гибели митраизма, в эпоху раннего христианства, приевфратская трансграничная зона продолжила продуцировать новые религиозные парадигмы, которые рождались и формировались в той же среде, что и митраизм. Характерный пример являет собой павликианская ересь, возникшая в VII в. на границе между двумя враждебными мирами – Арабским халифатом и Византийской империей. Как и митраизм, павликианство стало религией воинов. Вылившись в мощное движение, эта ересь IX в. едва не опрокинула Восточную Римскую империю. Характерно, что павликианская ересь образовалась преимущественно в армянской среде, в той части миросистемы, по которой некогда проходила граница *Rex Romana* и *Rex Iranica*. Именно здесь, в Западной Армении, Коммагене и Понте, некогда зародился митраизм, распространившийся по всей территории необъятной Римской империи. Конечно, это не было случайным совпадением: с одной стороны, павликианская ересь образовалась под сильным влиянием древних иранских и прежде всего местных культов, в рудиментарной форме сохранившихся среди населения этих стран, с другой – это было обусловлено пограничным положением этих стран и областей. Необходимо также учитывать традиционно маргинальный характер местного населения², не принадлежавшего ни к одному из титульных имперских этносов и вместе с тем бывшего неотъемлемой составной частью большой имперской нации³.

Определяющими этносами в этом регионе традиционно были армяне, сирийцы, иранизированные, а позднее эллинизированные потомки представителей древних малоазийских и отчасти западнокавказских этносов [Немировский, 1999]. Из этих коренных, но нетитульных этносов Визан-

² Характерная деталь: павликианами становились ренегаты халкидонитского толка, уже раз отказавшиеся от родной веры.

³ Американский социолог Р. Парк понятием «маргинальный человек» обозначил «такого субъекта, который появляется в то время и в том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества. Судьба обрекает этих людей на существование в двух мирах одновременно. Такой человек неизбежно становится индивидом с более широким горизонтом, более независимыми и рациональными взглядами» [Парк, 1998].

тии формировались погранвойска западных рубежей империи как во времена византийско-иранского, так и в период византийско-арабского противостояния. Известный византист В. А. Арутюнова-Фиданян предложила «пограничную структуру начала византийской реконквисты в Малой Азии... обозначить неологизмом “фронтир”, в особенности если учесть их общие генетические корни» [2016].

Пограничное положение региона обусловило характерные особенности его населения: пассионарность, мультикультурность, динамичность, приспособляемость к быстро меняющимся жизненным условиям. Однако гибкость и пластичность жителей Приевфратья удивительным образом сочеталась со стойкостью и выносливостью, приверженностью тысячелетним традициям, родной культуре, языку и религии.

На основе наработок, накопленных со времен столкновений между Хайасой и Хеттской державой, в регионе сформировалась так называемая стратегия малой войны – традиция ведения войны в горных условиях малыми силами. Конечной целью этой стратегии было выматывание и обескровливание сил противника для дальнейшего выдавливания его на собственную территорию. Эта стратегия успешно применялась жителями региона также в эпоху эллинизма [Маргарян, 2015] и в Средние века [Margaryan, 2018]. Малые войны на пересечениях мир-систем, по сути, были обычными и неизбежными реалиями этих территорий, возможно, условием их существования в том виде, в каком мы привыкли их рассматривать. Малые войны в Евфратской погранзоне были следствием слабости и неспособности центральных властей защитить границы своей империи, поэтому обязанности по охране границ и поддержания баланса сил в регионе возлагались на приграничное население горных районов Западной Армении. Дружины местной милиции, как правило, формировали и возглавляли местные феодальные кланы, не всегда древние и знатные, но почти всегда эффективные. Однако малая война предполагает как оборону, так и частые стремительные рейды вглубь территории врага. В Средние века эту тактику принято называть акритской войной. Основной ударной силой малой войны были стратиоты (στρατιώτες) – разновидность военных поселенцев, сочетающих мирный труд с ратным делом⁴.

Среди стратиотов особо выделялись акриты (ακρίτες) – порубежники, пограничники, и апелаты – рейдеры, угонщики скота. Термин «акрит» дословно переводится как *порубежник*, он образовался от греческого *ἀκρῆ* / *ἀκρον*, означавшего окраину, границу, арм. *tqr*⁵, и был схож по смыслу с лимитанами позднеримского времени. Акриты объединялись в общины

⁴ Стратиоты владели неотчуждаемой землей, с правом наследования от отца к сыну, при условии обязательной службы в пограничных войсках. Они были освобождены от всех видов налогов, кроме земельного (канон).

⁵ Сходство этих близких по понятию слов, можно объяснить их общими индоевропейскими корнями.

и кланы. В зависимости от международной и внутривосточной обстановки значимость акритского воинства могла возрастать или, наоборот, падать. В военное время акриты несли гарнизонную службу, верхушка акритского ополчения из средних и крупных землевладельцев составляла основу тяжеловооруженной кавалерии – катафрактариев. (В действительности войска, размещенные вдоль границ империи, были смесью регулярных полевых частей и дружин местного ополчения – стратиотов, и четкого разграничения между ними, пожалуй, не было.) В мирное время рядовые акриты занимались земледелием, торговлей, промышленными занятиями, нанимались проводниками, сопровождали караваны, знатные акриты служили доместиками, комитами и лохагами (офицерские должности) в имперских войсках и управленцами в местной администрации. В Римской империи социальные лифты работали исправно, поэтому многие стратиоты, особенно в смутное время, могли дослужиться до высоких должностей и даже стать василевсами. Сын армянского фронтирмена (землепашца и воина) из порубежной Фракии (Фема Македония) Василий (Барсег) благодаря своим личным качествам совершил головокружительную карьеру от объездчика лошадей до кесаря (высший титул в империи, после императорского) и, в конце концов, в результате дворцового заговора вошел на престол, заложив основу новой династии [Каждан, 1967; 1973; 1974; 1975; Бартикян, 1985; Стр-Шухуцян, 1905; Утунг, 1948; Toumanoff, 1963, p. 200; 1971, p. 131].

Во время набегов сарацин византийские центральные власти, как правило, не спешили посылать значительные военные силы к месту прорыва противника. Местные жители под руководством акритов и апелатов должны были самостоятельно отбиваться от нарушителей, полагаясь преимущественно на собственные силы и ресурсы. Акриты принимали на себя первый, обычно самый болезненный, удар: поднимали тревогу, организовывали эвакуацию гражданского населения в опорные крепости, которые в случае прорыва врага служили убежищами для жителей долин, и держали здесь оборону до прибытия подкрепления. Помощь могла подойти лишь во время нашествия большого войска неприятеля, и то не всегда. При этом гражданское население не просто искало убежища в пределах окруженных стенами укрепленных городов, но и активно включалось в сопротивление. Это приводило к распылению сил неприятеля, который был вынужден осаждать одновременно множество укрепленных пунктов с хорошо вооруженными местными гарнизонами.

Если власти все же высылали подкрепление, акритская пехота оставалась в крепостях и обороняла гражданское население, а легкая кавалерия апелатов, также известная как *τραλεζίται* (очевидно от армянского

« $\rho\acute{\iota}\lambda\alpha\tau\epsilon\rho$ » – сотрапезник, друг, дружинник)⁶ совершала дерзкие рейды во вражеский тыл. Банды⁷ трапезитов, во главе с командиром комит(ас)ом нападали на обозы, приводили в расстройство коммуникации, доставляли «языков», доносили командованию о передвижениях противника.

Основной причиной того, что на границе с мусульманским миром не было и быть не могло непрерывной стационарной линии фортификационных сооружений, была подвижность погранзоны, ее частый переход из рук в руки. Арабы называли ее иклим ас-Сугур⁸. Она охватывала некоторые западные области Великой Армении, часть Малой Армении и бывшие византийские области Евфратисию и Киликию. Есть несколько версий происхождения термина «Сугур»: согласно одной из них халиф Харун ар-Рашид назвал эту область «передние зубы», т. е. «преграда», «защита» [Шидфар, 1987, с. 4]. Халифы заселили Сугур племенами арабов и берберов после того, как наступательный порыв мусульман захлебнулся в горах Армении, а Приевфратье и Киликия стали вязким и непроходимым рубежом, своего рода христианско-мусульманским междумирьем, главными действующими лицами которого, волею судеб, оказались армяне, каппадокийцы, исавры, коммагенцы, киликийцы и осроенцы. Некоторые из этих этносов исчезли – сгинули, не выдержав напряжения непрерывной борьбы, либо растворились среди соседних христианских и мусульманских народов. Стержневыми и самыми жизнестойкими этносами оказались миафелиты-армяне и халкидониты-каппадокийцы. В Сугуре наиболее активными в военном отношении племенами были бану килаб и бану сулайм.

После завоевания Сугура арабами халифы создали две пограничные зоны, переселив сюда бедуинов из глубин Аравийского полуострова. Первый пограничный кордон назывался ас-сугур ад-джа-зариййа и охватывал месопотамские пограничные укрепления, второй – сирийский, известный также как ас-сугур аш-шамиййа, т. е. Киликия. В первой погранзоне находились укрепленные города Малатия (Мелитина, административный центр), Хадас, Мараш, Заперта и др., а во второй – Тарс (административный центр), Адана, Мопсуестия, Аназарба и др. Кроме этих двух погранзон, пограничными укреплениями считались Феодосиополь, или Карно Калак (Каликала) в Армении и Самосата в Коммагене (ас-сугур ал-Бакриййа).

⁶ Подобно тому, как это было принято у запорожских казаков, трапезиты питались вкладчину (не путать с античным $\tau\rho\alpha\lambda\epsilon\zeta\iota\tau\eta\varsigma$ – «меняла», «банкир»).

⁷ Банд – кавалерийская часть во главе с комесом или комит(ас)ом. В разное время численность банда колебалась от нескольких десятков до нескольких сотен человек.

⁸ Сугур – нейтральная территория между Византией и Халифатом. Подробнее об этом см.: [Տէր-Ղևնդյան, 1984, էջ 305–309].

Преобладающим этносом среди акритов, проживавших вдоль Сугура и защищавших периметр рубежей империи, были армяне⁹, исавры (коренной малоазийский народ – очевидно, потомки хеттов, лувийцев и киликийских каперов), мардаиты (возможно, арменизированные племена мардов)¹⁰, черкесы (касоги), эллинизированные малоазийские древние народы (пафлагонцы, вифинцы, галаты, понтийцы и каппадокийцы – два последних народа по сути были близкородственными этносами под разными названиями), которых современники называли ромеями или греками из-за того, что они забыли родные наречия и исповедовали халкидонизм. Эллинов в сухопутных военных подразделениях почти не было, их, как и ливанцев, чаще можно было встретить на флоте; современники отмечают низкие боевые качества греческих воинов, их рухлость и ненадежность¹¹.

⁹ См. об этом: [Бартикян, 1980; 1987; 1988; Rosser, 2011, p. 52].

¹⁰ Подробнее об этом см.: [Бартикян, 1983].

¹¹ Вениамин из Тудели, еврей-путешественник, посетивший в те годы Константинополь, так характеризует армию ромеев: «Для войны с турецким султаном они

Встречались в византийской армии сирийцы, крещеные арабы, иудеи, а также наемники авары, варанги (варяги), болгары и славяне.

Преобладание армянского элемента в этой части пограничья было не случайным: восточные рубежи империи располагались на территории Западной Армении (фема Армениака, греч. Θέμα Ἀρμενιάκων, арм. Արմենիակոնի քաղաքաբնակավայր, образована в 667/668 г., административный центр – все та же Амасия)¹² и искони были заселены армянами¹³, которые на протяжении всей истории Византии, так и не были грецизированы (даже та их часть, что приняла халкидонизм). Наоборот, некоторые этнические группы, проживавшие в сопредельных с Арменией Северной Сирии (Коммагена) и малоазийских странах, частично или полностью были арменизированы. П. Харанис убежден, что Армения была главным поставщиком воинов империи в VI–VII вв. [Charanis, 1959; 1961; 1966]. Ему вторит Джон Россер: «Начиная с шестого века, армяне в большом количестве эмигрировали в Византию, становясь наиболее адаптивными среди остальных этнических групп империи, в то же время они сохраняли свою оригинальную литературу, религию и искусство. Тысячи армянских солдат служили в имперских войсках, армянами были ряд важных военачальников и гражданских администраторов, в том числе императоры Лев V, Василий I, Роман I Лакапин и Иоанн I Цимисхий» [Rosser, 2011, p. 52]. Это подтверждают армянские, сирийские и арабские средневековые источники.

Акритская милиция нередко возникала спонтанно, для противодействия врагу в условиях перманентной войны, и действовала самостоятельно. Отсюда негативное отношение к ним цареградских властей, даже тех василевсов, которые сами вышли из акритской среды. Многие цари пытались задавить акритскую вольницу, ликвидировать самодостаточные и самоуправляющиеся народные дружины. Однако невозможность найти альтернативу местной милиции, заменить ее регулярными армейскими частями, а также дороговизна и ненадежность наемных дружин из заморья делало стратиотское войско незаменимым. Вербуемые среди варангов (норвежцы и англосаксы, Τάγμα τῶν Βαράγγων, Βάραγγοι)¹⁴, славян, ванда-

[греки] нанимают людей из различных народов, так как у них нет военного мужества: они подобны женщинам, у которых отсутствует сила военного сопротивления» (СД, 1951). «Анна Комнин считала, что закованные в броню западные рыцари непобедимы. Глядя на сражающегося Никифора Катакалона, пишет она, его можно было принять “за уроженца Нормандии, а не ромея” – так он был могуч и искусен. Мануил I, по словам Никиты Хониата, знал, что воины-ромеи подобны “глиняным горшкам”, а западные наемники – “металлическим котлам”» [Литаврин, 2014]. См. также: [Успенский 1922; Бенешевич, 1915–1916].

¹² См.: [Kazhdan, 1991, p. 177].

¹³ См.: [Арутюнова-Фиданян, 1994; 1999].

¹⁴ См., например: [Bartusis, 1992; Benediktz, 1969; Shepard; Pryor, Jeffreys, 2004].

лов и пр. воинские контингенты, со временем достигнув некоторой критической массы, становились стихийным бедствием для империи. Все это вынуждало василевсов вновь и вновь искать опоры среди коренных жителей своей империи: суровых пастухов высокогорья и оседлых поселенцев из военно-земледельческого сословия разной степени зажиточности и знатности. Акритские дружины храбро защищали свои земли, тем самым обеспечивая безопасность границ Империи и объективно способствуя ее процветанию.

Акриты во многом были схожи со сформировавшимся спустя тысячу лет на приграничных (украинных) территориях России казачеством¹⁵, а войны, которые вела Византия по всему периметру своей державы, вполне сопоставимы с Кавказскими войнами, с той разницей, что Россия на Кавказе преследовала экспансионистские цели, а Византия традиционно оборонялась.

И все же автономность и неподконтрольность порубежных фем беспокоили имперские власти, которые время от времени пытались накинуть на порубежников бюрократическую смирительную рубашку и приобщить их к халкидонской ортодоксии. Когда же в X–XI вв., после ослабления и распада Арабского халифата, имперские власти сочли, что на восточных границах у Византии не осталось опасных врагов и в стратиотском воинстве больше нет нужды, государство решило искоренить акритскую вольницу. Пограничный мир как среда, порождавшая эту вольницу, был демонтирован. Порубежники сопротивлялись отчаянно, повсеместно поднимались мятежи, но сопротивление акритской верхушки было сломлено, а их дружины распущены либо включены в состав регулярной армии. Древние стратиотские гарнизоны были заселены наемниками из Северной и Западной Европы, южными славянами и номадами из Евразийских степей.

Ликвидация стратиотского воинства имела негативные последствия для империи. Начавшееся в XI в. вторжение сельджуков привело к огромным территориальным потерям на востоке и было остановлено возродившимися дружинами армянских акритов. Однако появление на авансцене Османской империи и антиакритская политика имперских властей привели к окончательной гибели сословия порубежного воинства и ликвидации Приевфратской погранзоны. Характерная деталь: в Османской империи по образцу стратиотского воинства были созданы подразделения сипахов (от персидского слова «serāh»), составивших ядро тяжеловооруженной османской конницы.

¹⁵ Сравнение акритов с казаками и так называемыми «русскими кавказцами» корректнее, нежели с американскими охотниками-фронтирменами. Подобно казакам или «кавказцам», акриты при всей амбивалентности их восприятия были привязаны к таким государствообразующим социальным институтам, как царь, армия и церковь.

Эпический пафос акритской вольницы

Жизнь акритов, их самоорганизация и взаимоотношения с центральными властями нашли свое отражение в эпосе о деяниях акритов, особенно в эпической поэме «Дигенис Акрит» и цикле «Акритских песен»¹⁶. В первых трех книгах поэмы «Дигенис» рассказывается о родителях героя Василия, по прозвищу Дигенис. Отец Василия был муртадом – мусульманином-отступником, сирийским эмиром, перешедшим в христианство из-за любви к знатной римлянке, а мать – дочерью каппадокийского стратига («Дигенис» значит «Двоерожденный», т. е. происходящий от родителей разных вероисповеданий). Однако Дигенис не просто полукровка, как и большинство фронтирменов, он вообрал в себя в равной мере черты восточных христиан-порубежников и их врагов – сарацин. И хотя Дигенис герой эпический, его образ и образы его родных, друзей и врагов, буквально списаны с реальных жителей пограничья¹⁷. Он живет в своих евфратских владениях, где прежде начальствовал его отец. Отсюда он совершает набеги на земли мусульман, за что и получил прозвище Акрит.

Бинарность образа Дигениса проявляется в его отношениях с империей ромеев и ее царем. С одной стороны, Дигенис защитник империи, верой и правдой служащий василевсу, с другой – приевфратский «сатрап» (подробнее об этом см.: [Адонц, 1908]), типичный носитель ценностей армянского нахарарства [Маргарян, 2007, с. 87–92], вполне сопоставимый с европейскими шляхтичами или баронами. Наслышанный о подвигах Дигениса, его силе и отваге, царь ромеев изъявляет желание увидеть своего подданного. Возможно, царю необходимо было удостовериться, что могущественный и самодостаточный сатрап приевфратской области не замышляет против него заговора или мятежа, как когда-то его дед. Однако гордый и независимый пограничный акрит отказывается ехать в столицу на поклон царю ромеев. Дигенис с вежеством, необычным для прямолинейных эпических героев, впрочем, нехарактерным также и для пограничного солдата, отвечает царскому посланнику, призывающему Акрита спешно явиться пред светлые очи государя:

Слугою я ничтожнейшим твоей останусь власти, // – Пусть и не будет доли мне в твоих благодеяниях. // Какому же из дел моих дивишься ты, владыка? // Ведь робок и смиренен я, и нет во мне отваги. // Но все возможно совершить по милости господней, // И если своего слугу ты захотел увидеть, // Сюда скорее приходи и у реки Евфрата // Желанье сбудется твое, влады-

¹⁶ Это эпическое сказание было переложено со среднегреческого на древнерусский в XII–XIII вв. См.: [Кузьмина, 1962; Аверинцев, 1984].

¹⁷ А. Я. Сыркин убежден в историчности фона повести о Дигенисе Акрите – независимо от того, касается это стран, где разворачиваются события, или эпических персонажей [1961, с. 124–214].

ка мой священный. // Не думай, будто не хочу перед тобой явиться, //
 Но знаю – есть в твоих войсках неопытные люди; // Неподобающую речь
 могу от них услышать, // И меньше станет слуг твоих, – не сомневайся
 в этом, – // Нередко ждет ведь молодых такой удел, владыка.

Царю ничего не остается, как самому отправиться в дальний и трудный путь до Евфрата, причем лишь с сотней воинов, так как Дигенис недвусмысленно предупреждает, что прибытие царя с большим войском в Привфратье чревато войной. В этих словах Акрита под внешне почтительной формой угадывается плохо скрываемое презрение и недоверие закаленного в боях воина к царедворцам и бюрократам из ближайшего окружения автократора, впрочем, как и к самому царю¹⁸. Царь ромеев тоже не доверяет акриту и тоже небезосновательно, ведь по отцу Дигенис сарацин, а по матери большинство его предков, некогда служившие царю и его предшественникам, находились в опале¹⁹. Не стоит забывать, что эпос создавался в период, когда конфликт между столичной и провинциальной (в основном армянской) знатью обострился как никогда. Кульминационным пунктом этой борьбы стали мятежи акритского воинства под командованием военачальника Варды Склира (одноименного правнука брата Василия I и отца бабушки Владимира Мономаха), восставшего против своего родственника Василия II и Варды Фоки Младшего²⁰, выходца из знатного акритского каппадокийского рода, как и его визави, армянско-

¹⁸ Среди предков героя названы армянский род Дуков [Polemis, 1968, p. 14, 134 sq; Charanis, 1961, p. 44] и Киннамады – также древний род парфяно-армянского происхождения. «Антакин звался дед его из рода Киннамадов, / в изгнание умер, сосланный приказом самодержца» (IV, 54–55). Здесь и далее выдержки из поэмы приводятся по: (Византийская эпическая поэма..., 1966). Потомок этого рода – дед Дигениса – по вине доносчиков впадает в немилость (в одной из ранних версий эпоса, причиной немилости стал мятеж войска под его командованием) и умирает в ссылке [Сыркин, 1960, с. 140; 1961, с. 156].

¹⁹ Одним из предков Дигениса был «чудесный Муселом», происходящий из знатного армянского рода Кринитов. Член этого рода Алексей Муселе, стоял во главе имперских каппадокийских войск, он участвовал в восстании против Константина VI (780–797) и Ирины (797–802), но потерпел поражение и был ослеплен. Внук его, тоже Алексей Муселе, был зятем императора Феофила, воевал в Италии, сделал блестящую карьеру при дворе, затем попал в немилость и кончил жизнь в монастыре. К армянскому роду Дук принадлежит и жена Дигениса – Евдокия [Сыркин, 1960, с. 141].

²⁰ «А был этот муж, как рассказывает историк, нравом похож на своего дядю императора: всегда озабоченный и настороженный, он умел все предвидеть и увидеть, был искушен в военных хитростях, опытен в разного рода приступах, засадах и в открытых сражениях. В боевых же схватках он был решительней и мужественней Склира. Раненый им враг тотчас испускал дух, и одним боевым кличем приводил Варда в замешательство целую фалангу. Таков был Фока» (Михаил Пселл, 1978).

го происхождения [Каждан, 1973, с. 150]. Так что отношения императора и акритского войска на восточных границах царства были далеко не такими безоблачными, как их изображают некоторые византилисты.

Думается, что опасение Дигениса в связи с появлением василевса во главе многочисленного войска имело и другие причины. Н. Ю. Замятина отмечает, что фронтир – это «зона неустойчивого равновесия», где имеют влияние несколько сил [1998]. На византийско-арабской границе никогда не было спокойно. Набеги сарацин вглубь территории империи были делом обычным, так же как и ответные рейды акритов. Каждая сторона как бы испытывала противника на бдительность и прочность. Однако ответные действия акритов обычно были соразмерными, и степень их соразмерности осознавали, или, скорее, осязали, только жители приграничья. Никогда рейды акритов во вражескую территорию не были очень глубокими или слишком разрушительными. «Мосты» никогда не сжигались, чтобы некоторое время спустя можно было восстановить хрупкий мир на границе. Эта позиционная, по сути своей провинциальная, война могла продолжаться бесконечно, а статус-кво, при равных условиях, мог так никогда и не измениться. Судьба войны и мира находилась в руках провинциалов. Появление же большой армии в приграничных областях, да еще под командованием безответственных столичных офицеров из «золотой молодежи», могло привести к непоправимым последствиям, и нарушить хрупкий баланс сил на границе. Примечательно, что в сборнике описаний церемониального протокола (Περὶ τῆς Βασιλείου Τάξεως – «О царском устройстве») имеется пункт, согласно которому царю во время путешествия по Азии предписывалось, подъезжая к пограничным областям, оставлять позади большую часть дворцовой свиты, предоставив акритам заботу об эскорте монарха по опасным районам Приевфратья и Высокой Армении (О боевом сопровождении, 2002; см. также: [Диль, 1994, с. 419]). Точно так же императору было воспрещено появляться с войском на границе с Восточной Арменией²¹.

²¹ Известен случай, когда император армянского происхождения Иоанн Цимисхий (от армянского «чмшкик» – «низенький», «малорослый») со 100 000 войском вознамерился нанести удар по Халифату со стороны Армении, используя ее как плацдарм для вторжения в Сугур. Однако ему пришлось изменить маршрут. Не желая быть втянутым в войну между Византией и Халифатом, армянский царь Ашот III Багратуни воспользовался своим суверенным правом и, с 80 000 войском выступив навстречу императору, вынудил его развернуться и уйти [Բարթեղի, 1976, էջ 56–57]. Правда, в качестве дружеского жеста Ашот был вынужден предоставить Цимисхию 10 000-й конный отряд, однако в византийском войске армян и без того было много. В главном же вопросе Ашот добился своего: вторжение в Халифат произошло не с территории Армении, что должно было показать арабам относительную нейтральность Армянского царства. Думается, в Халифате это оценили.

Теперь вновь обратимся к эпическому сказанию: когда царь с сотней телохранителей-палатинов и слуг все же приехал на границу к Дигенису, тот, вместо того, чтобы лебезить и холуйствовать перед василевсом, выпрашивать у него милостей для себя и своего клана («Всем управляй, владыка мой, – ему ответил отрок, – / А для меня достаточно любви твоей высокой. / Несправедливо брать дары, дарить – намного лучше» (IV, 1027–1031), – гордо заявляет Акрит, отказываясь от царских щедрот), берется поучать монарха, дает советы как управлять империей:

Лишь вот о чем прошу тебя, прославленный владыка: // Имей любовь к покорности и состраданье к бедным, // Коль терпит беды подданный – спасай от беззаконий, // Коль согрешит неволью он – даруй свое прощенье. // Не поддавайся клевете, оставь несправедливость, // Грозюю будь еретиков, опорой православных (в оригинале «христиан». – Е. М.), // – То высшей справедливости оружие, владыка. // Оружеством этим всех врагов ты одолеть сумеешь (IV, 1032–1039).

Кого имеет в виду Акрит, обличая «беззакония» царя и призывая к «справедливости» и не поддаваться «клевете» своего деда Антакина, оклеветанного и униженного, других представителей провинциальной знати? Ни один царедворец не позволил бы себе такой дерзости, ни от одного придворного царь не стерпел бы подобного высокомерия, но Дигенис – фронтирмен, живущий по своим акритским законам и кодексу, и царь ему не указ: он его не кормит, не поит и не защищает. Это он, Дигенис, со своей обороной, но отборной дружиной из местных вояк, а то и вообще один, обороняет наиболее уязвимые рубежи империи и самого царя, и потому вправе говорить с ним по своему разумению. Чтобы «приручить» Дигениса василевс жалует ему титул патрика, но молодой витязь и после этого остается верным своей природе. «И знай, владеть и царствовать – от силы не зависит, – с суровой откровенностью провозглашает Акрит. – То бога одного лишь дар, всевышнего десница» (IV, 1040–1041)²², т. е. могущество императора от Бога, Он дарует власть, Он же ее забирает. В этих словах можно узнать человека, который скажет потом: «Когда дело правое, я не боюсь и самого императора» [Диль, 1994].

Конечно, в реальной жизни цари ромеев крайне редко совершали опасные инспекционные поездки на дальние рубежи своей империи, как на Востоке, так и на Западе (исключение составляли лишь императоры, пробившиеся на вершину власти из низов, и прошедшие военную службу на границах империи). В основном же византийские императоры и их двор не покидали пределов дворца и большую часть времени проводили в пле-

²² Древние иранцы и армяне были убеждены, что властью может обладать только носитель божественного *фарна*, или *хварэ*, по-армянски *Փառք* (см.: [Топоров, 1992; Մարգարիշի, 2001].

тении каверз и дворцовых интриг. Как пишут исследователи, византийские василевсы, особенно клан Комнинов, выходцев из Фракии, захвативших власть в 1081 г., были «бесконечно далеки от мира пограничья – мира пограничных дружин. Эти люди находились где-то в самом конце “обеденного” списка византийских чинов артиклина Филофея – на этом “пиру” византийской власти они далеко – в самом конце стола» [Кашляк, 2015]. Дигенис и сам не стремится занять достойное место среди цареградских вельмож. Эти миры и в правду были друг другу чужды. Еще в конце XI в. византийский стратег и писатель Кекавмен, проживавший в Фессалии, чьи предки, подобно Дигенису Акриту, владели обширными поместьями в Приевфратской Армении и Каппадокии, в книге наставлений для своего сына саркастично писал: «Не стремись быть константинопольским чиновником, ибо нельзя быть одновременно военачальником и клоуном» (Кекавмен, 268, 10–13). Кекавмен противопоставляет рыцарский кодекс, бесхитростность и прямоту провинциальных военных дилетантизму цареградских кабинетных стратегов, не побывавших ни в одной переделке и знакомых с военным делом лишь по трактатам «древних», написанных напыщенным аттическим слогом.

Покончив с врагами внешними и разобравшись с внутренними (в том числе с императором и его вельможами), Дигенис играет свадьбу и селится с Евдокией в уютном поместье у края империи, на берегу родного Евфрата (IV, 997–100), подальше от столицы и царя с его «всевидящим оком и все слышащими ушами». «Как бы ни толковать отношение Дигениса к императору, – замечает А. Я. Сыркин, – он явно стремится держаться подальше от него и от его войск» [1961, с. 129].

Поскольку фронтир – это реальность, построенная по принципу бинарной оппозиции, здесь, с одной стороны, происходит жесткое и кровавое столкновение между разными реальностями, с другой же – гибридизация этих реальностей. Возможно, этим объясняется вполне уважительное отношение жителей арабского Сугура к армянским акритам. В мусульманском народном романе «Жизнеописание доблестной Фатимы» «смелые акриты» названы «богатырями и героями» (Жизнеописания..., 1987, с. 287). Дигенис и сам с уважением отзывается о своих врагах – мусульманах, особенно о достойных – бесстрашных и мудрых. Акриты воспринимались сарацинами как антагонисты, самые опасные защитники враждебного им христианского мира. Но при этом акриты и жители Сугура (подобно волкам и волкодавам) осознавали себя частями единой экзистенции, встроенными в единые природные и культурные условия²³. В то же время лоще-

²³ Любопытный фрагмент, свидетельствующий об уважительном отношении друг к другу жителей порубежья обеих империй имеется у Масуди: «На границах Сирии и ал-Джазиры не выдвигали после 'Амра б. 'Убайдаллаха б. Марвана Безрукого, владетеля Малатии, и 'Али б. Йахьи ал-Армани, владетеля сирийских приграничных крепостей, более яростно нападавшего на ромеев, нежели Йазман ал-

ные константинопольские царедворцы и елейные багдадские «визирьы да назирьы» вызывали одинаково безразличные чувства у тех и у других. В силу обстоятельств вчерашние враги время от времени становились кунаками и защищали друг друга²⁴. Междумирье, в котором жили акриты и бедуины – защитники Сугура, становилось самостоятельным миром, отдельной сингулярной реальностью, противостоящей столицам империи.

Сходство двух миров, расположенных по обе стороны приевфратской контактной зоны нашло отражение в одинаковости христианских и мусульманских эпосов, отражающих реалии одной и той же эпохи, одной и той же войны [Grégoire, 1942; 1962], и является «проявлением одинаковой социальной потребности» [Шидфар, 1987, с. 4]. Герои арабской народной *сиры* – богатырша Фатима Зат аль-Химме, Омар ибн-Нуман из сказок 1001 ночи живут по тому же кодексу и руководствуются теми же

Хадим... 'Али б. Йахйя ал-Армани ушел с сирийского рубежа и был назначен правителем Армении, потом его сместили; пошел он в область Майя Фарикин в Дийар Бакр и завернул там в свои владения. Случилась тревога, и он выступил, поспешая. Напали рати ромеев. Тогда 'Али б. Йахйя убил около четырехсот человек, и ромеи не знали, что он – 'Али б. Йахйя ал-Армани. Сообщил мне некий ромей из тех, что приняли ислам, и был он праведным мусульманином, что ромеи нарисовали в одной из церквей своих десятерых христианских храбрецов, отважных и хитрых, и гордых на уловки мусульманских мужей. Среди них муж, которого послал Му'авия, когда обманул [этот муж] некоего батрика, похитил его из ал-Кустантинийи, отплатил ему ударом и вернул его обратно, а также 'Абдаллах ал-Баттал, 'Амр б. 'Убайдаллах, 'Али б. Йахйя ал-Армани, ал-'Арил б. Баккар, Ахмад б. Абу Катифа, Курнийас ал-Билкани, владетель города Ибрик (Теврик – столица павликиан. – Е. М.), он был батриком павликиан, и кончина его была в двести сорок девятом году (857/8), и Харас Харис, сестра Курнийаса, Йазман ал-Хадим с войском своим, и вокруг него мужи, и Абу-л-Касим б. 'Абд ал-Баки. Мы привели описание учения павликиан и веры этой. Это учение [среднее] между христианством и зороастризмом. Вошли они в это время, а это – год триста тридцать второй (943/4) – в общество ромеев. Мы поведали о них в книге нашей Ахбар аз-заман» (XV, 214) (Абу-л-Хасан..., 2002).

²⁴ Характерную историю рассказывает участник кавказской войны генерал-лейтенант Василий Потто. Он описал один очень колоритный эпизод, произошедший в августе 1824 г. во время похода русского отряда против кабардинцев за реку Уруп: «Во время перестрелки среди черкесов заметили беглого русского солдата. Правая рука у него была оторвана по локоть, но он проворно управлялся левой и при помощи подшошек стрелял с замечательной меткостью. Заряжая винтовку, он хладнокровно и как бы дразня солдат, распевал русскую песню: “Разлюбились, разголубились добры молодцы”. Точно заколдованный стоял он на высокой скале, осыпаясь пулями, и только когда некоторые из них ложились уже очень близко, он громко кричал: “Жидко брызжешь – не попадешь!”, и, припадая к подшошкам, посылал выстрел за выстрелом. Дезертир очень злил солдат...». За два дня боев русские разгромили кабардинцев, взяли много пленных, но так и не смогли найти безрукого дезертира-снайпера, никто из черкесов его не выдал [Потто, 2008, с. 547; Православная энциклопедия, 2004].

ценностными ориентациями, что и герои византийского эпоса. Единственное, что их реально отличает и разделяет, – религия, которая, в свою очередь, является единственным, что связывает столичных вельмож и бюрократов с жителями погранзоны, которые и есть подлинные защитники веры.

Религия, безусловно, играла исключительно важную роль в жизни акритов, однако им не был присущ показушный религиозный пафос. Противостояние иноверцам придавало дополнительную значимость акритской службе, делало суровых горцев с мародерскими замашками воинами Христа. Справедливости ради нужно отметить, что простой народ их так и воспринимал. Религиозное рвение вообще характерная черта жителей трансграничья: достаточно вспомнить сражавшихся против филистимлян иудеев, испанских рыцарей времен Реконквисты, крестоносцев Акры, тевтонцев и поляков, проживавших на границе с восточнославянским православным миром, мюридов Шамиля, воевавших против России на Кавказе. Однако в источниках нет и намека на требование к вступающим в акритские воинские подразделения обязательного принятия символа веры той или иной конфессии, как это было в испанских и тевтонских духовно-рыцарских орденах или у казаков при вступлении в Запорожскую сечь или Войско Донское.

В отношении к религии у акритов было больше искренности и меньше формализма. Истинная вера обычно находит прибежище в чистых сердцах. Едва ли можно было ожидать искреннего религиозного рвения от царградских вельможных холуев и проворовавшихся чинуш. Зато крещеный араб Мусур, отец Дигениса, подобно большинству прозелитов, предстает истым христианином, проявляющим больше рвения, нежели «урожденные» христиане. Едва приняв христианство, он спешит в Сирию, чтобы обратиться к новой вере свою мать и сестер, обучает канонам и догматике всю свою семью; он читает наизусть *Никейский символ веры*, принятый на Первом вселенском соборе и принимаемый всеми церковными конфессиями, при этом витийствует, как заправский богослов; и так сильно его вероубеждение, что на склоне лет он и вовсе отказывается от военной стези и всецело предается *«изучению путей Господних»*.

Его сын, Дигенис, следует по стопам христолюбивого отца, правда, теологические тонкости его не слишком заботят. Стойкий в делах веры, он сражается с сарацинами от имени Христа. И хотя он совершает немало ошибок и проступков, греховных, с точки зрения христианской морали (Василий Дигенис больше напоминает неистового язычника Зигфрида, нежели бледного колеблющегося христианского паладина, достаточно вспомнить эпизод с убийством христианки Максимо), ему будет прощено, ведь каждый раз он идет в бой от имени Христа. Однако акритам не был присущ ортодоксальный фанатизм, ненависть к людям иной веры и других конфессий. Так, шурины эмира Мусура, будущего отца Дигениса, еще не

обратившегося в христианство, с большим почтением относятся к вере их будущего родственника и выражают ему благопожелание увидеть гробницу Магомета, что, как известно, является заветным желанием каждого мусульманина. После смерти Дигениса на его похороны съезжаются люди из разных мест, в том числе из стран, населенных иноверцами или же христианами, принадлежащими другим конфессиям.

В последнее время стало популярно представлять Дигениса защитником царя и православия, однако трудно сказать, какой именно конфессии принадлежали Дигенис и его отец – крещеный араб. (Принимая христианскую веру, Мусур заучивает наизусть Никейский символ веры, а не постулаты Халкидонского вероопределения; более никаких конфессиональных присущностей в эпосе нет.) Но можно определенно утверждать, что акритская вольница напрочь отторгала цареградский цезарепапизм во всех его проявлениях, в том числе официальную ортодоксию. Отношение к цареградской ортодоксии во многом было обусловлено этнической принадлежностью акритов. Известно, что восточные христиане – в большинстве своем коренные народы Передней Азии, Халкидонскую конфессию называли мелькитской – «царской», т. е. возникшей в результате вмешательства царя ромеев Маркиана в христологические споры отцов церкви²⁵. Проживавшие в пограничной зоне исавры, сирийцы, крещеные иранцы, особенно мардаиты (обармяненные иранцы-христиане) и сами армяне, как правило, противопоставляли себя цареградской ортодоксии. В то время

²⁵ Как известно Маркиан и его жена Пульхерия, которая и возвела его на престол, преследовали благие цели. Стремящийся к единству с Римом император пытался примирить отцов церкви, обеспечив тем самым единство империи. Однако Халкидонский собор не принес мира во Вселенскую церковь. Наоборот, раскол ее как минимум на четыре ветви с четырьмя различными вероопределениями. Поэтому император Зенон был вынужден принять Энотикон, обеспечивший единство восточных церквей, однако ослаблял позиции Рима, что вызвало недовольство Папы. Армянская, грузинская и алуанская церкви на первом Двинском соборе 506 г. присоединились к греческой миафизитской. Но вмешательство Рима привело к восстановлению халкидонского вероопределения и новому расколу, на этот раз окончательному, среди восточных церквей. Преемник Зенона Юстин I, имевший далеко идущие имперские планы и надеявшийся заручиться поддержкой Рима, в 518 г. отменил Энотикон. После чего при Юстиниане началась эра «неохалкидонизма». В Египте, Сирии и Антиохии начали проявляться сепаратистские тенденции. Восточные церкви, не видящие резона в отказе от своих принципов ради сиюминутных (и к тому же, как вскоре выяснилось, бесперспективных) имперских планов ромейских автократов, не стали подыгрывать Папе и остались верны восточной традиции. (Лишь грузинская церковь в VII в. откололась от Армянской апостольской и присоединилась к греко-римской.) Этот «гамбит» ромейских императоров не принес желаемых результатов. Пожертвовав единством восточных церквей, империя не обрела единства с западной церковью. Это, в свою очередь, ослабило империю и, возможно, определило ее дальнейшую судьбу.

как каппадокийцы, пергамцы, пафлагонцы, вифинцы, понтийцы и западногрузинские племена были, частично или целиком, ее приверженцами. Любопытная деталь: именно эти, уже грецизированные этнические группы в эпоху османского владычества были в первую очередь отуречены и исламизированы. Армяне же, как в Средние века, так и в Новое время, продолжали держаться за свою веру, благодаря чему сохранили свою этничность, но именно за это были истреблены в последней четверти XIX – первой четверти XX в., т. е. в период формирования турецкой этничности. Истребляя армян в 1915 г., младотурки руководствовались принципом: раз невозможно армян отуречить, остается их истребить.

Раскабаленным, самодостаточным, не признающим авторитеты фронтирменам не были чужды поиск новых религиозных форм и стремление перейти на новый уровень поиска Божественной истины. Этот поиск почти всегда был сопряжен с отходом от ортодоксальной религии, с самостоятельными, более актуальными и демократическими богословскими трактовками или же с местными религиозными традициями, уходящими корнями вглубь тысячелетий. Как правило, именно порубежная среда – фронтир, порождала различные ереси и секты. Не случайно павликианская ересь зародилась в крепости Кибоса, заселенной преимущественно акритами – фронтирменами армянского происхождения; армия павликиан тоже в основном состояла из акритов. А эмир Сугура Мусур был родом из Северной Сирии (Коммагена), где находилась столица павликиан Тефрика (греч. Τεφρική), неподвластная ни арабам, ни ромеям [ODB, 1991, p. 2025]. Среди жителей этой области было немало арабов, принявших павликианство. Еще любопытная деталь: в эпосе устами матери героя славится бесстрашный полководец, однорукий командующий павликианской армией, по прозвищу Хрисохир (*греч.* Златорук), который предпочел смерть отступничеству [Сыркин, 1961, с. 152]. Этот самый Хрисохир совместно с арабами Сугура нанес несколько разгромных поражений армии ромеев и дошел до Никеи, Никомедии и Эфеса, вернувшись назад с богатой добычей. И все же в эпосе о нем говорится с уважением и даже восхищением. Возможно, именно Золоторукий лидер павликиан армянского происхождения и стал прообразом Дигениса, проживавшего в междумирье, на реке Евфрат.

В древнерусской аутентичной версии эпоса в отличие от сохранившихся более поздних греческих версий, подвергшихся тщательной идеологической цензуре монахов-переписчиков, иначе повествуется история взаимоотношений Девгения и царя ромеев. На желание василевса увидеть юного героя воочию, Девгений отвечает:

«Я простой человек. Нет твоему царскому величеству никакой нужды во мне, но если хочешь повидать меня, то, взяв с собой немного воинов, приходи на реку Евфрат». А послам велел сказать царю их: «Если ты хочешь меня, недостойного, видеть, то возьми с собою воинов немного, чтобы не

разгневать меня, ибо долго ли в юные годы до безрассудных поступков. А если разгневаюсь я, то и войско твое разобью, и сам живым не вернешься!»

И, приехав, передал посол царю все сказанное Девгением, и, услышав это, пришел в ярость царь и тотчас же вернул посла к Девгению со словами: «Чадо! Не хочу я брать с собой много воинов, только хочу я, царь, на юность твою полюбоваться. Ничего другого нет у меня на сердце».

Пришел царский посол и передал Девгению сказанное царем, и ответил ему Девгений: «Скажи царю своему так: не боюсь я ни тебя, царь, ни твоих бесчисленных войск, ибо надеюсь на Бога. Не боюсь я твоего злого умысла, но говорю тебе: приходи на реку, называемую Евфрат, и там увидишься со мной. Если же придешь с большим войском, то не обрадуешься тому, что царствуешь, а войско твое все разбито будет». И посол, придя к царю Василию, передал ему слова Девгения.

Отвечал на это царь Василий: «Как же дерзок ты, если не хочешь мне, царю, покориться!» И, отрядив посла своего, отправил его за реку, а Девгениева посла принял. И пришел царский посол передать Девгению царские слова. И ответил Девгений: «Скажи царю своему: если ты надеешься на свою силу великую, то я уповаю на бога-создателя. И не может сравниться сила твоя с могуществом божьим. День уже на исходе, а завтра с утра изготвься к бою и выступи со своими силами несметными, и увидишь, как-ва удаль ничтожного мужа, который явится перед тобой, а иначе мне стыдно будет за неисполненное». И пришел посол царя Василия от Девгения, и передал его слова царю.

Далее описывается битва Дигениса с несметным воинством царя ромеев, который, потеряв в жестокой сече все свое войско, с тремя «отроками» пытается бежать, но, настигнутый Девгением, попадает в плен. Затем Девгений захватывает Город царя, под которым, несомненно, подразумевается Царьград. Жители Города также безуспешно пытаются сопротивляться разъяренному герою, который на отказ сдаться ему, предаёт всех мечу. Поверженный царь Василий отдает юному герою во владение свою империю, но тот пренебрежительно отказывается и уезжает в свои приевфратские владения, чтобы дожить там, в тиши и спокойствии недолгий, как у Ахиллеса, век (Девгению суждено было умереть в 36 лет).

В целом, даже в греческой версии повести, прошедшей идеологическую обработку в монастырских кельях православных монастырей, Дигенис скрещивает свой меч чаще с христианами, чем с мусульманами [Сыркин, 1961, с. 152]. За исключением эпизода столкновения с отрядом арабов (V, 178–190) поэма ни разу не описывает кровавых битв героя с мусульманами. Они лишь вскользь упоминаются в перечне побед героя, что заставляет предположить, что победы в битвах против сарацин – поздняя вставка греческих монахов-переписчиков. Зато в поэме подробно описываются битвы героя с христианами – солдатами стратига Дуки, главарями апелатов, воинами Максимо и с ней самой. В этой связи бельгийский византист и арменист Анри Грегуар вслед за своим коллегой и другом

Николаем Адонцем высказал любопытную гипотезу, сразу отвергнутую советскими и российским исследователями. Согласно этой гипотезе, Девгениевы деяния как памятник устного народного творчества возник в павликианской среде, однако после разгрома павликиан имперские власти отредактировали сказание, вымарав из него упоминания о павликианах, их борьбе с империей и ортодоксальным христианством, заменив ромеев на естественных врагов империи – мусульман. На протяжении веков сказание, подвергаясь неоднократной редакции, приняло вполне лояльный вид, хотя местами сквозь толщу поздних интерполяций и напластований все же просвечивает первоначальная версия повести. Фрагменты же изначальной павликианской версии сохранились в богомильской Болгарии, откуда попали на Русь и фрагментарно сохранились в старославянской «дерзкой и храброй и бодрой» версии эпоса²⁶, более древней и аутентичной, не подвергшейся редакции ангажированных византийских монахов [Grégoire, 1948]. Для придания большей рафинированности тексту поэмы греческие книжники сделали вставки – почти дословные повторения из «Эфиопики», «Левкипы и Клитофонта» и «Дафниса и Хлои», а также описания того, как юный герой вместе с учителем-монахом усердно изучает труды древних авторов. Едва ли возникшая на бивуаках, среди суровых горцев-порубежников первоначальная *акритская* версия содержала елейные описания любовных томлений в духе греческого романа, которые к тому же стилистически и морфологически отличаются от стержневого текста. Еще одна важная деталь: монахи-книжники вымарали из эпической саги заключительную сцену единоборства двоюродного героя с Хароном (или Танатосом). Эта сцена сохранилась в *Акритских песнях* (подробнее об этом см.: [Левинтон, 1990]). Негоже ведь христианскому паладину,

²⁶ «Исследователи убеждены, что перевод византийской эпической поэмы о Дигенисе Акрите с греческого на старославянский был осуществлен, видимо, еще в XI–XII вв. На это указывают данные лексики и сходство некоторых фразеологических оборотов «Девгениева деяния» с Галицко-Волынской летописью XIII в. [Дмитриев и др., 1979]. До нас дошли только три весьма поздних списка памятника: «Деяние прежних времен храбрых человек», «О дерзости и о храбрости и о бодрости прекрасного Девгения», «Житие Девгения». По мнению исследователей, Тихонравовский список был записан на рубеже XVII–XVIII вв., Титовский и Погодинский – в середине XVIII в. «При этом Тихонравовский список представляет одну редакцию “Девгениева деяния”, названную исследователями первой, а другие два списка – вторую, с существенными поновлениями в лексике и сокращениями» [Там же]. Ни один из русских списков не сохранил полного текста «Девгениева деяния». Известны также армянская, сирийская, арабская версии памятника. В основу славянского перевода, как полагает А. А. Мартиросян, положен именно армянский оригинал (см.: [Мартиросян, 1970]). Н. А. Мещерский высказался за сирийский оригинал древнерусского перевода (см.: [Мещерский, 1964, с. 205–206]). Перевод с армянского или сирийского оригинала объясняет антихалкидонскую и антиромейскую направленность эпоса.

словно языческому герою, богоборствовать, сражаться с судьбой, вместо того, чтобы смиренно принять предначертанное свыше.

Весьма показательным считает Грегуар сохранившийся в так называемом Тихонравовском списке эпизод описания войны Акриты с царем Василием. Грегуар отождествляет царя Василия с Василием I Армянином, самым ненавистным врагом павликиан, который, кстати, в начале своего правления и вправду неоднократно терпел поражение от павликианского войска. На то, что Повесть об Акрите зародилась в павликианской среде, по мнению Грегуара, указывает упоминание имен Кароеса (=Карбеас) и Хрисохерпа (=Хрисохир). Кроме того, продуктом редакции (точнее, цензуры) «Повести» Грегуар считает искусственное смещение границы по Евфрату в Каппадокию (см.: [Grégoire H., 1931; 1932; 1935; Grégoire, Goossens, 1932; 1933; Jeffreys, 1997] и др.). Даже в российской историографии говорилось о возможности «какого-то участия павликиан в византийском эпическом творчестве», что «заставляет крайне осторожно отнестись к этой проблеме, которая за недостатком источников вряд ли может быть окончательно разрешена на сегодняшний день» [Сыркин, 1960, с. 211].

Однако мы считаем, что прообразом «царя Василия» мог стать и другой ненавидимый армянами василевс, также армянского происхождения – Василий II Болгаробойца. После того как Василий II с помощью западно-армянских бойцов в 970 г. отбил от варяжских дружин Свендослава (Святослав Игоревич) и его болгарских, венгерских и печенежских союзников²⁷, он, по сути, объявил войну восточным, прежде всего армянским и грузинским и к тому времени почти полностью арменизированным каппадокийским провинциям. Василий II стремился ликвидировать мощь армянских феодалов-динатов²⁸ и положить конец акритской вольнице. Ответом на это стало несколько мощных восстаний армянских провинциальных кланов под командованием полководцев Варды Фоки²⁹ и Варды

²⁷ Согласно Иоанну Скилице, в ходе битвы при Аркадиополе войска Варды Склира, используя военную технику и разнообразные военные хитрости, окружили и взяли в плен 20 000 варваров-варангов и скифов (болгары, венгры, печенеги, славяне и др.) при потерях лишь в 55 ромеев (хотя все бойцы были ранены, некоторые тяжело) (Лев Диакон, 1988). В том сражении Склир, как утверждает Лев Диакон, лично разрубил до пояса одного из военачальников Свендослава, расколов железный шлем, а подоспевший брат Варды Константин, отрубил голову коню другого знатного «скифа», повалил того на землю, после чего, соскочив, схватил его за бороду и пронзил кинжалом. При виде этого варанги и «скифы» в ужасе обратились в бегство [U̇hṙẇṫj̇ẇṅ, 1979] (см. также: http://www.krotov.info/acts/10/lev_diak/skilic.htm).

²⁸ Некоторые динаты по силе и могуществу были вполне сопоставимы с армянскими «сатрапами» эпохи Юстиниана.

²⁹ Михаил Пселл так описывает Варду Фоку: «А был этот муж, как рассказывает историк, нравом похож на своего дядю-императора: всегда озабоченный

Склира. При активной поддержке арабов порубежники разгромили Василия II и осадили Константинополь, угрожая вывести восточные провинции прогнившей империи из царградского подчинения. Лишь смерть Варды Фоки, в разгар сражения осушившего кубок с вином, в который был подмешан яд, и немощь раньше времени состарившегося в застенках имперских тюрем Склира, неожиданно отказавшегося штурмовать беззащитный Константинополь (991 г.), спасла Василия.

Выводы

- В эпоху византийско-арабского противостояния на границе между двумя империями существовало некое междумирье, включавшее в себя территорию возникшего еще в римскую эпоху Приевфратского лимеса и подконтрольного мусульманам Сугура.
- В этом междумирье на стыке двух миросистем возникли различные религиозные системы: митраизм, самостоятельные формы восточного христианства, павликианская ересь, и эпическое сказание «Дигенис Акрит».
- Акритская эпическая традиция сформировалась преимущественно в армянской и, возможно, павликианской среде. На армянском, сирийском, арабском и старославянском языках сохранились различные версии сказания о Дигенисе Акрите.
- На правом берегу Евфратской контактной зоны в мусульманской среде возник другой шедевр устного народного творчества «Сказание о доблестной Фатиме». Это произведение стало зеркальным отображением Акритских эпических песен. Оно обогащает наши представления о Евфратской контактной зоне и позволяет взглянуть на пограничный мир с обеих сторон.
- Вероятнее всего, эпос стал отголоском войны между павликианами и византийскими властями в первой половине IX в. Кроме того, в эпосе, безусловно, нашли отражение события акритских восстаний против константинопольских властей второй половины X в. Особенно сильное впечатление на современников произвели потрясшие основы империи восстания армянских полководцев Варды Склира и Варды Фоки.
- Дошедшая до нас версия эпоса «Дигенис Акрит» пережила два этапа становления. Первый этап – спонтанный, это время формирования и разработки сюжета устными импровизаторами, певцами-сказителями или воинами, долгими вечерами коротавшими время на военных стоянках или в донжонах феодальных замков, напевая акритские песни или пере-

и настороженный, он умел все предвидеть и увидеть, был искущён в военных хитростях, опытен в разного рода приступах, засадах и в открытых сражениях. В боевых же схватках он был решительней и мужественней Склира. Раненый им враг тотчас испускал дух, и одним боевым кличем приводил Варда в замешательство целую фалангу. Таков был Фока» (*Михаил Пселл* Хронография).

сказывая отдельные сюжеты о подвигах Дигениса. На втором этапе произошла формализация эпоса. Сознвая, что бороться с популярностью акритских песен бессмысленно, официальная идеологическая машина решила поставить их на службу интересам самодержавия и православия. Византийские монахи-книжники подвергли эпос редактуре, выхолостив из него диссидентскую направленность, были смещены проарабские акценты, сделаны вставки в духе греческого романа. После этого эпос был успешно интегрирован в официальную идеологическую доктрину. Похожие явления можно видеть в пересказанном средневековыми монахами западноевропейском героическом эпосе.

- Более ранняя и потому в меньшей степени отредактированная версия дошла до нас на старорусском языке, в так называемом Тихонравовском списке, который проник на Русь в старославянском переводе из богомильской Болгарии. В более ранней старославянской версии главный герой Девгений ведет войну не столько с мусульманами, сколько с ромеями, в первую очередь с греческим царем Василием. Девгений с провинциальной знатью нападает на столицу империи и разрушает ее, истребив жителей, которые пытаются сопротивляться ему. Не желая жить в столице и царствовать над ромеями, герой возвращается на Евфрат, строит для себя и любимой жены великолепную усадьбу, где и доживает свой недолгий век. Великий герой умирает от обычной простуды, следом за ним, вскоре после похорон, умирает верная жена.

- Обе версии эпоса – греческая и старославянская – свидетельствуют о том, как на самом деле складывались отношения между цареградскими властями и акритами. Акритские дружины самоотверженно защищали свою Родину от набегов сарацин, тем самым защищая и границы империи, однако отношения между акритской верхушкой и имперскими властями в зависимости от международной обстановки и внутривосточной конъюнктуры складывались по-разному – от партнерских до неприкрыто враждебных.

Список литературы

Аверинцев С. С. Византийская литература IX–XII вв. // История всемирной литературы: В 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой литературы имени А. М. Горького. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 353–354.

Аверинцев С. С. На границе цивилизаций и эпох: вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1985. С. 5–20.

Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние основ нахарарского строя. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1908.

Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М.: Наука, 1994.

Арутюнова-Фиданян В. А. Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики // Византия и Армения в X–XII вв.: зона контакта 380–409 / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб.: Алтейя, 1999.

Арутюнова-Фиданян В. А. Модели организации Лимеса: восточные границы Византийской империи (IX–XI вв.). 2016. URL: <http://www.radnews.ru/модели-организации-лимеса-восточные/>.

Бартикян Р. М. О Вардас и Вратζης жития св. Марии Новой и византийских патронимах Иверици и Варацци // Историко-филологический журнал. 1980. № 3. С. 244–250.

Бартикян Р. М. Разрешение проблемы мардаитов // Вестник общественных наук АН АрмССР. 1983. № 2. С. 66–82.

Бартикян Р. М. К разгадке загадки о «славянском» происхождении основателя македонской династии Василия I // Вестник общественных наук. 1985. № 7. С. 47–54.

Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас // Историко-филологический журнал. 1987. Ч. 1, № 3. С. 190–200; Ч. 2. № 4. С. 181–193; 1988. Ч. 3, № 1. С. 163–178.

Бенешевич В. Н. Номоканон Иоанна Комнина, архиепископа Ахридского // Византийский временник. 1915–1916. Т. 22. С. 41–61.

Диль Ш. Византийские портреты / Пер. М. Безобразовой; предисл. П. Безобразова. М.: Искусство, 1994. (По изд.: М.: М. и С. Сабашниковы, 1914).

Дмитриев Л. А., Лихачев Д. С., Лурье Я. С., Панченко А. М., Творогов О. В. История русской литературы X–XVII вв.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Под ред. Д. С. Лихачева. М.: Просвещение, 1979. 462 с.: ил.

Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89.

Каждан А. П. К истории византино-кавказских связей на рубеже XI и XIII вв. // Историко-филологический журнал. 1967. № 1. С. 174–176.

Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973.

Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М.: Наука, 1974.

Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи XI–XIV вв. Ереван, 1975.

Кашляк С. Ш. Акриты и византийское пограничье в византийских военных трактатах, тактиконах и героическом эпосе. 2015. URL: http://www.hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/konf/1-2015/LS_XI/4/Kashljak.pdf.

Кузьмина В. Д. Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962.

Левинтон Г. А. Сюжет поэмы о Дигенисе Акрите // Балканские чтения 1: Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы. М., 1990. С. 138–140.

Литаврин Г. Как жили византийцы. 3-е изд. СПб.: Алетейя, 2014.

Маргарян Е. Г. Аршакаванская эллинистическая политея и Град Небесный Нерсеса Великого. Ереван: Изд-во РАУ, 2007. 100 с.

Маргарян Е. Г. Роль Армении и Коммагены в глобализационных процессах эллинистической эпохи // Армения в диалоге цивилизаций: Сб. ст. по материалам междунар. конф. Н. Новгород: Деком, 2011. С. 159–171.

Маргарян Е. Г. Восточносредиземноморский фронт в контексте трансформационных процессов в эпоху перехода от республики к принципату // Трансформационные процессы в эпоху Принципата. Включение Рима в осевое время: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. Г. Маргарян. Ереван: Изд-во РАУ, 2015. С. 5–91.

Маргарян Е. Г. На стыке древних мир-систем: из истории контактных зон древности и современности: Колл. монография / Отв. ред. Е. Г. Маргарян. Ереван: Изд-во РАУ, 2016. Т. 1.

Мартirosян А. А. История и поучения Хикара Премудрого: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ереван, 1970.

Махлаюк А. В. Римские войны. Под знаком Марса. М.: Центрполиграф, 2005. 447 с.

Мещерский Н. А. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI–XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20.

Немировский А. А. Каппадокийцы и Каппадокия: к формированию этнополитической карты древней Анатолии // Oriens. 1999. Вып. 6. С. 1–13.

Парк Р. Культурный конфликт и маргинальный человек // Общественные науки за рубежом. Социология. М., 1998. № 2. С. 296.

Сыркин А. Я. История изучения «Дигениса Акрита» // Византийский временник. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 17 (42): Критика и библиография.

Сыркин А. Я. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита» // Византийский временник. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 18 (43).

Топоров В. Н. Фарн // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 557–558.

Успенский Ф. И. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний // Византийский временник. 1922. Т. 22, отдел I. С. 21–40.

Шидфар Б. Я. Народный роман о Зат аль-Химме // Жизнеописание доблестной Фатимы и повествование о подвигах ее славных предков / Пер. с араб., предисл. и примеч. Б. Я. Шидфар; пер. стихов Е. Б. Рейна. М.: Наука, 1987.

- Штаерман Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М.: Наука, 1987.
- Bartusis M. C.* The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia: Uni. of Pennsylvania Press, 1992. 438 p.
- Benediktz B. S.* The evolution of die Varangian regiment in the Byzantine army // *Byzantinische Zeitschrift*. 1969. Bd. 62. Ausgabe 1. S. 20–24.
- Birley E.* The Deities of Roman Britain // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1980. Bd. 2 (18).
- Charanis P.* Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century // *Dumbarton Oaks Papers*. 1959. Vol. 13.
- Charanis P.* The Armenians in the Byzantine Empire // *Byzantinoslavica*. 1961. № 22. (Repr. ed.: Lisbon, 1963; London, 1972).
- Charanis P.* Observations on the Demography of the Byzantine Empire // XIII International Congress of Byzantine Studies. Oxford, 1966.
- Cumont F.* Textes et Monuments figures aux mysteres de Mithra. Bruxelles, 1896–1899. T. 1–2.
- Frere S.* Britannia. A History of a Roman Britain. London: Pimlico, 1991.
- Grégoire H.* Le tombeau Digénis Akritas // *Byzantion*. 1931. T. 6. P. 481–508.
- Grégoire H.* Autour de Digénis Akritas // *Byzantion*. 1932. T. 7. P. 287–302.
- Grégoire H.* Note sur le Digénis slave // *Byzantion*. 1935. T. 10. P. 335–339.
- Grégoire H.* The Historical Elements in Western and Eastern epics. Digenis-Sayyid Battal-Dat-El-Hemma-Antar-Chanson de Roland [Review] // *Byzantion*. 1942. Vol. 16. P. 5–22.
- Grégoire H.* Le problème de la version «originale» de l'épopée byzantine de Digénis Akritas // *Revue Internationale des Études Byzantines*. 1948. T. 6. P. 27–35.
- Grégoire H.* An Arabo-Byzantine Novel: 'Umar B. Al Nu ' Mân Compared with Digenês Akritas. Vassilios Christides // *Byzantion*. 1962. Vol. 32. P. 549–604.
- Grégoire H., Goossens R.* Les recherches récentes sur l'épopée byzantine // *L'Antiquité classique*. 1932. T. 1. P. 419–439; 1933. T. 2. P. 449–472.
- Henig M.* Throne, Altar and Sword: Civilian Religion and the Roman Army in Britain // *Cultural Relationships in a Frontier Province* / Eds. T. F. C. Blagg, A. C. King. London, 1984. P. 227–248. (BAR British series. No. 136)
- Jaczynowska M.* Religie swiata rzymskiego. Warszawa, 1990.
- Jeffreys V.* Digenis Akritas: The Use of Manuscripts to Reconstruct the Escorial Version // *Byzantion*. 1997. Vol. 67 (1). P. 60–69.
- Kazhdan A.* The Oxford Dictionary of Byzantium. New York, Oxford: Oxford Uni. Press, 1991.
- Margaryan Ye.* A Note of the Ancient World-Systems // *Iran and Caucasus: Research Papers from the Caucasian Centre for Iranian Studies*. Leiden; London; Erevan, 2018. Vol. 22.2. P. 160–168.

ODB – The Oxford Dictionary of Byzantium. Ed. by A. P. Kazhdan. New York, Oxford: Oxford Uni. Press, 1991.

Polemis D. I. The Doukai. London, 1968.

Pryor J. H., Jeffreys E. M. The Age of the ΔΡΟΜΩΝ: The Byzantine Navy ca. 500–1204. Brill Academic Publishers, 2004. 754 p.

Rosser J. H. Historical Dictionary of Byzantium. 2nd ed. Scarecrow Press, 2011.

Shepard J. The English and Byzantium: A Study of Their Role in the Byzantine Army in the Later Eleventh Century // *Traditio*. 1973. Vol. 19. P. 53–92.

Solway P. Roman Britain. Oxford, 1982.

Stoll O. The Religion of the Army: A Complex «System» // A Companion to the Roman Army. Blackwell Companions to the Ancient World. Oxford: Blackwell Publ., 2007. P. xxvi + 574, incl.

Tudor D. Corpus Equitum Donaviarum. Leiden, 1969–1976. T. 1–2.

Toumanoff C. Studies in Christian Caucasian History. Georgetown, 1963.

Toumanoff C. Caucasia and Byzantium // *Traditio*. 1971. № 27.

Արունց Ն. Վասիլ Հայագն (մեծագործ կայսր 876–886), Պատմական ուսումնասիրություններ, Փարիզ, հրատ. Ա. Ղուկասյան, 1948.

Տեր-Սահակյան Կ., Հայ կայսերք Բիզանդիոնի, Հատոր Ա, Վենետիկ, 1905.

Տեր-Ղևոնդյան Ա. Ն. Հայաստանի քաղաքան վիճակը արաբական առաջինարշավանքների ժամանակ, Հայ ժողովրդի պատմություն, հատ. II, Երևան, ՀՍՍՀ Գիտությունների ակադեմիայի հրատարակչություն, 1984.

Մարգարյան Ե. Հ. Դրվագներ հին հայոց հոգևոր մշակույթի պատմության, Ե., ՀԱԳԱ հրատարակչ, 2001. 128 էջ.

Միքայելյան Վ. Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին. 10 : Բյուզանդական աղբյուրներ, հ. Գ, Հովհաննես Սկիլիցես / Վարդգես Միքայելյան; թարգմանություն բնագրից, առաջաբան և ծանոթագրություններ Հրաչ Բարթիկյանի. Եր. : ՀՍՍՀ ԳԱ հրատարակչություն, 1979. 440 էջ.

Բարթիկյան Հր. Հայաստանը Բագրատունյաց ժամանակաշրջանում, Հայ ժողովրդի պատմություն, հատ. III, Երևան, ՀՍՍՀ Գիտությունների ակադեմիայի հրատարակչություն, 1976.

Список источников

Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусайн ибн 'Али ал-Масуди. Золотые копии и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии 749–947 гг.) / Пер. Д. В. Микульского // О халифате ал-Му'тамида 'ала-л-Лаха. М.: Наталис, 2002.

Византийская эпическая поэма. Дигенис Акрит / Пер., ст. и коммент. А. Я. Сыркина. М.: Изд-во АН СССР, 1966. (Литературные памятники)

Жизнеописание доблестной Фатимы и повествование о подвигах ее славных предков. М.: Наука, 1987. 511 с.

Кекавмен. Советы и рассказы. Поучения византийского полководца XI века. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2003.

Лев Диакон. История / Пер. с др.-гр. М. М. Копыленко; коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М.: Наука, 1988. (Памятники исторической мысли). URL: http://www.krotov.info/acts/10/lev_diak/skilic.htm

Михаил Пселл. Хронография. М.: Наука, 1978. (Памятники исторической мысли)

О боевом сопровождении // Два византийских военных трактата конца X века / Изд. подгот. В. В. Кучма; отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб.: Алетейя, 2002.

Потто В. Кавказская война. М.: Центполиграф, 2008. Т. 2: Ермоловское время.

Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. URL: <http://detective-books.ru/book/fb2/11801790/?key=3149kgj6c3a7c2vdcprqh8coi4>.

СД – Сборник документов по социально-политической истории Византии / Отв. ред. Е. А. Косминский. М., 1951.

Article metadata

Title: Ode of the Acritical Freedom – Digenis Akritas: Armenian Roots of the Byzantine Epic Tradition

Author: Ye. G. Margaryan

Author's e-mail: ervand.margaryan@rau.am

Author affiliation: Russian-Armenian University, Institute of the History of National Academy of Science of Armenia, Yerevan

Abstract. The frontier of the Euphrates from ancient times was a zone of clashes between the great empires of antiquity. Today little has changed. After you lost your balance, you demanded less effort and knew, mainly, at the border. We called this strategy a small «small war». On the Byzantine-Arab and later Byzantine-Seljuk border, small wars were fought mainly from local stratiotes – *akritai* and *apelatai*, military operations unfolded in the territory of Lesser Armenia, Cappadocia and Pontus. The border zone on the other side of the border within the Caliphate was known as Sugur and was on the territory of Cilicia, Commagene and Northern Mesopotamia. A key role in these positional wars was played by Armenian strata and representatives of other indigenous peoples of this region. In this polyethnic, multicultural and multi-

confessional environment, various religious systems emerged: Mithraism, independent forms of Eastern Christianity, the Pavlikian heresy and the epic legend «Digenis Akritas». The Akritic epic tradition was formed in the most Armenian and possibly Pavlikian environment. In Armenian, Syriac, and Arabic and Old Slavonic languages, various versions of the legend of the Digenis of Acryte are preserved. The article deals with the relationship of the Byzantine authorities, and how these relations were reflected in the acritical epic about Digenis-Devgeni.

Key terms: Euphrates frontier, strategy of «small war», *akritai* and *apelatai*, Byzantium, Caliphate, imperial authorities, Pavlikians, epic songs, Digenis Akritas.

Reference literature (in transliteration):

Adonc' N. Vasil Hayazn (mecagorc kaysr 876–886), Patmakan usumnasirut'yunner, P'ariz, hrat. A. Ġukasyan, 1948. (in Arm.)

Adonts N. Armeniya v epokhu Yustiniana. Politicheskoye sostoyaniye osnov nakhararskogo stroya. St. Petersburg, Tipografiya Imeratorskoy akademii nauk, 1908. (in Russ.)

Arutyunova-Fidanyan V. A. Armyano-vizantiyskaya kontaktnaya zona (X–XI vv.). Rezul'taty vzaimodeystviya kul'tur. Moscow, Nauka, 1994. (in Russ.)

Arutyunova-Fidanyan V. A. Vizantiya mezhdz Zapadom i Vostokom. Opyt istoricheskoy kharakteristiki. *Vizantiya i Armeniya v X–XII vv.: zona kontakta 380–409*. Ed. by G. G. Litavrin. St. Petersburg, Alteiya, 1999. (in Russ.)

Arutyunova-Fidanyan V. A. Modeli organizatsii Limesa: vostochnyye granitsy Vizantiyskoy imperii (IX–XI vv.) 2016. URL: <http://www.radnews.ru/модели-организации-лимеса-восточные/>. (in Russ.)

Averintsev S. S. Na granitse tsivilizatsiy i epokh: vklad vostochnykh okrain rimsko-vizantiyskogo mira v podgotovku dukhovnoy kul'tury yevropeyskogo srednevekov'ya. *Vostok-Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii*. Moscow, Nauka, 1985, p. 5–20. (in Russ.)

Averintsev S. S. Vizantiyskaya literatura IX–XII vv. *Istoriya vseмирnoy literatury*. In 8 vols. Moscow, Nauka, 1984, vol. 2, p. 353–354. (in Russ.)

Bart'ikyan Hr. Hayastanə Bagratunyac' zamanakašrjanum, Hay žogovrdi patmut'yun, hat. III, Erevan, HSSH Gitut'yunneri akademiayi hratarakč'ut'yun, 1976. (in Arm.)

Bartikyan R. M. K razgadke zagadki o «slavyanskom» proiskhozhdenii osnovatelya makedonskoy dinastii Vasiliya I. *Vestnik obshchestvennykh nauk*, 1985, no. 7, p. 47–54. (in Russ.)

Bartikyan R. M. O Bardas o Bratzēs zhitiya sv. Marii Novoy i vizantiyskikh patronimakh Iveritsi i Varatsi. *Istoriko-filologicheskij zhurnal*, 1980, no. 3, p. 244–250. (in Russ.)

Bartikyan R. M. O vizantiyskoy aristokraticeskoy sem'ye Gavras. *Istoriko-filologicheskij zhurnal*, 1987, pt. 1, no. 3, p. 190–200; pt. 2, no. 4, p. 181–193; 1988, pt. 3, no. 1, p. 163–178. (in Russ.)

Bartikyan R. M. Razresheniye problemy mardaitov. *Vestnik obshchestvennykh nauk AN Arm. SSR*, 1983, no. 2, p. 66–82. (in Russ.)

Bartusis M. C. *The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, Uni. of Pennsylvania Press, 1992, 438 p.

Benediktz B. S. The evolution of die Varangian regiment in the Byzantine army. *Byzantinische Zeitschrift*, 1969, Bd. 62, Ausgabe 1, S. 20–24.

Beneshovich V. N. Nomokanon Ioanna Komnina, arkhiepiskopa Akhridskogo. *Vizantiyskiy vremennik*, 1915–1916, vol. 22, p. 41–61. (in Russ.)

Birley E. *The Deities of Roman Britain. Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, 1980, Bd. 2 (18).

Charanis P. Observations on the Demography of the Byzantine Empire. *XIII International Congress of Byzantine Studies*. Oxford, 1966.

Charanis P. Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century. *Dumbarton Oaks Papers*, 1959, vol. 13.

Charanis P. The Armenians in the Byzantine Empire. *Byzantinoslavica*, 1961, no. 22. (Repr. ed.: Lisbon, 1963; London, 1972)

Cumont F. *Textes et Monuments figures aux mysteres de Mithra*. Bruxelles, 1896–1899, t. 1–2.

Dil' Sh. *Vizantiyskiye portrety*. Transl. M. Bezobrazova, introduc. P. Bezobrazov. Moscow, Iskusstvo, 1994 (after: Moscow, M. & S. Sabashnikov, 1914). (in Russ.)

Dmitriyev L. A., Likhachev D. S., Luriye Ya. S., Panchenko A. M., Tvorogov O. V. *Istoriya russkoy literatury X–XVII vv.* Ed. by D. S. Likhachev. Moscow, Prosveshcheniye, 1979, 462 p.: il. (in Russ.)

Frere S. *Britannia. A History of a Roman Britain*. London, Pimlico, 1991.

Grégoire H. An Arabo-Byzantine Novel: 'Umar B. Al Nu' Mân Compared with Digenês Akritas. Vassilios Christides. *Byzantion*, 1962, vol. 32, p. 549–604.

Grégoire H. Autour de Digénis Akritas. *Byzantion*, 1932, t. 7, p. 287–302.

Grégoire H. Le problème de la version «originale» de l'épopée byzantine de Digénis Akritas. *Revue Internationale des Études Byzantines*, 1948, t. 6, p. 27–35.

Grégoire H. Le tombeau Digénis Akritas. *Byzantion*, 1931, t. 6, p. 481–508.

Grégoire H. Note sur le Digénis slave. *Byzantion*, 1935, t. 10, p. 335–339.

Grégoire H. The Historical Elements in Western and Eastern epics. Digenis-Sayyid Battal-Dat-El-Hemma-Antar-Chanson de Roland [Review]. *Byzantion*, 1942, vol. 16, p. 5–22.

Grégoire H., Goossens R. Les recherches récentes sur l'épopée byzantine. *L'Antiquité classique*, 1932, t. 1, p. 419–439; 1933. t. 2. p. 449–472.

Henig M. Throne, Altar and Sword: Civilian Religion and the Roman Army in Britain. *Cultural Relationships in a Frontier Province*. Eds. T. F. C. Blagg, A. C. King. London, 1984, p. 227–248. (BAR British series, no. 136)

- Jaczynowska M. Religie swiata rzymskiego. Warszawa, 1990.
- Jeffreys V. Digenis Akritas: The Use of Manuscripts to Reconstruct the Escorial Version. *Byzantion*, 1997, vol. 67 (1), p. 60–69.
- Kashlyak S. Sh. Akrity i vizantiyskoye pogranich'ye v vizantiyskikh voennykh traktatakh, taktikonakh i geroicheskom epose. 2015. URL: http://www.hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/konf/1-2015/LS_XI/4/Kashljak.pdf. (in Russ.)
- Kazhdan A. P. Armyane v sostave gospodstvuyushchego klassa Vizantiyskoy imperii v XI–XII vv. Yerevan, Izd. AN Arm. SSR, 1973. (in Russ.)
- Kazhdan A. P. Armyane v sostave gospodstvuyushchego klassa Vizantiyskoy imperii XI–XIV vv. Yerevan, 1975. (in Russ.)
- Kazhdan A. P. K istorii vizantino-kavkazskikh svyazey na rubezhe XI i XIII vv. *Istoriko-filologicheskij zhurnal*, 1967, no. 1, p. 174–176. (in Russ.)
- Kazhdan A. P. Sotsial'nyy sostav gospodstvuyushchego klassa Vizantii XI–XII vv. Moscow, Nauka, 1974. (in Russ.)
- Kazhdan A. The Oxford Dictionary of Byzantium. New York, Oxford, Oxford Uni. Press, 1991.
- Kuzmina V. D. Devgeniyevoye deyaniye (Deyaniye prezhnikh vremen khrabrykh chelovek). Moscow, 1962. (in Russ.)
- Levinton G. A. Syuzhet poemy o Digenise Akrite. *Balkanskiye chteniya I: Simpozium po strukture teksta. Tezisy i materialy*. Moscow, 1990, p. 138–140. (in Russ.)
- Litavrin G. Kak zhili vizantiytsy. 3rd ed. St. Petersburg, Aleteiya, 2014. (in Russ.)
- Makhlayuk A. V. Rimskiye voyny. Pod znakom Marsa. Moscow, Tsentrpoligraf, 2005, 447 p. (in Russ.)
- Margaryan E. H. Drvagner hin hayoc' hogevor mšakuyt'i patmut'yan, E., HAGA hratarakč', 2001, 128 ėj. (in Arm.)
- Margaryan Ye. G. Na styke drevnikh mir-sistem: iz istorii kontaktnykh zon drevnosti i sovremennosti. Kollektivnaya monografiya. Ed. by Ye. G. Margaryan. Yerevan, RAU Publ., 2016, vol. 1. (in Russ.)
- Margaryan Ye. A Note of the Ancient World-Systems // Iran and Caucasus: Research Papers from the Caucasian Centre for Iranian Studies. Leiden; London; Erevan, 2018. Vol. 22.2. P. 160–168.
- Margaryan Ye. G. Vostochnosredizemnomorskiy frontir v kontekste transformatsionnykh protsessov v epokhu perekhoda ot respubliki k printsipatu. *Transformatsionnyye protsessy v epokhu Printsipata. Vkluyucheniye Rima v osevoye vremya. Sbornik nauchnykh statey na mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Ed. by Ye. G. Margaryan. Yerevan, RAU Publ., 2015, p. 5–91. (in Russ.)
- Margaryan Ye. G. Arshakavanskaya ellinisticheskaya politeya i Grad Nebesnyy Nersesa Velikogo. Yerevan, RAU Publ., 2007, 100 p. (in Russ.)
- Margaryan Ye. G. Rol' Armenii i Kommageny v globalizatsionnykh protsessakh ellinisticheskoy epokhi. *Armeniya v dialoge tsivilizatsiy. Sbornik statey*

po materialam mezhdunarodnoy konferentsii. N. Novgorod, Dekom, 2011, p. 159–171. (in Russ.)

Martirosyan A. A. Istoriya i poucheniya Khikara Premudrogo. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Yerevan, 1970. (in Russ.)

Meshcherskiy N. A. Problemy izucheniya slavyano-russkoy perevodnoy literatury XI–XV vv. *TODRL*. Moscow, Leningrad, 1964, vol. 20. (in Russ.)

Mik'ayelyan V. Ōtar ađbyurnerə Hayastani ev hayeri masin. 10 : Byuzandakan ađbyurner, h. G, Hovhannes Skilic'es.; t'argmanut'yun bnagric', ařajaban ev canot'agrut'yunner Hrač' Bart'ikyani. Er. : HSSH GA hratarakč'ut'yun, 1979. 440 ęj. (in Arm.)

Nemirovskiy A. A. Kappadokiysy i Kappadokiya: k formirovaniyu etno-politicheskoy karty drevney Anatolii. *Oriens*, 1999, iss. 6, p. 1–13. (in Russ.)

Park R. Kul'turnyy konflikt i marginal'nyy chelovek. *Obshchestvennyye nauki za rubezhom. Sotsiologiya*. Moscow, 1998, no. 2, p. 296. (in Russ.)

Polemis D. I. The Doukai. London, 1968.

Pryor J. H., Jeffreys E. M. The Age of the ΔΡΟΜΩΝ: The Byzantine Navy ca. 500–1204. Brill Academic Publishers, 2004, 754 p.

Rosser J. H. Historical Dictionary of Byzantium. 2nd ed. Scarecrow Press, 2011.

Shepard J. The English and Byzantium: A Study of Their Role in the Byzantine Army in the Later Eleventh Century. *Traditio*, 1973, vol. 19, p. 53–92.

Shidfar B. Ya. Narodnyy roman o Zat al'-Khimme. *Zhizneopisaniye doblestnoy Fatimy i povestvovaniye o podvigakh yeye slavykh predkov*. Transl. from Arab. by B. Ya. Shidfar, Ye. B. Reyna. Moscow, Nauka, 1987. (in Russ.)

Shtayerman Ye. M. Sotsial'nyye osnovy religii Drevnego Rima. Moscow, Nauka, 1987. (in Russ.)

Solway P. Roman Britain. Oxford, 1982.

Stoll O. The Religion of the Army: A Complex «System». *A Companion to the Roman Army*. Blackwell Companions to the Ancient World. Oxford, Blackwell Publ., 2007, p. xxvi + 574, incl.

Syrkin A. Ya. Istoriya izucheniya «Digenisa Akrita». *Vizantiyskiy vremennik*. Moscow, AS USSR Publ., 1960, vol. 17 (42), Kritika i bibliografiya. (in Russ.)

Syrkin A. Ya. Ob istorichnosti personazhey «Digenisa Akrita». *Vizantiyskiy vremennik*. Moscow, AS USSR Publ., 1961, vol. 18 (43). (in Russ.)

Ter-Ġevondyan A. N. Hayastani k'agak'an vičakə arabakan ařajinaršavank'neri žamanak, Hay žođovrdi patmut'yun, hat. II, Erevan, HSSH Gitut'yunneri akademiayi hratarakč'ut'yun, 1984. (in Arm.)

Ter-Sahakyan K., Hay kayserk' Biwandioni, Hator A, Venetik, 1905. (in Arm.)

The Oxford Dictionary of Byzantium. Ed. by A. P. Kazhdan. New York, Oxford, Oxford Uni. Press, 1991.

- Toporov V. N. Farn. *Mify narodov mira*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1992, vol. 2, p. 557–558. (in Russ.)
- Toumanoff C. *Caucasia and Byzantium*. *Traditio*, 1971, no. 27.
- Toumanoff C. *Studies in Christian Caucasian History*. Georgetown, 1963.
- Tudor D. *Corpus Equitum Donaviarum*. Leiden, 1969–1976, vol. 1–2.
- Uspenskiy F. I. Uklon konservativnoy Vizantii v storonu zapadnykh vliyaniy. *Vizantiyskiy vremennik*, 1922, vol. 22, pt. 1, p. 21–40. (in Russ.)
- Vasil Digenis Akritas : [Byuzandakan ėpikakan poem]. T'argm., usumnasir., canot'. H. Bart'ikyani; Pat. xmb. S.T. Eremyan; HSSH GA. (in Arm.)
- Zamyatina N. Yu. Zona osvoyeniya (frontir) i yeyo obraz v amerikanskoy i russkoy kul'turakh. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 1998, no. 5, p. 75–89. (in Russ.)

DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-162-194